

ПАНДЕМОНИУМ

власть учредительному
соображению!

12+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Потехин

Пандемониум

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Потехин Д. В.

Пандемониум / Д. В. Потехин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Декабрь 1916 года. Двадцатилетний московский студент Евгений Цветков мучается тяжелой депрессией, навязанной тревогой за страну и страхом перед жизнью как таковой. В надежде на помощь он обращается к психологу - приехавшему из Англии филантропу доктору Беннетту. Доктор дает ему совет, который навсегда меняет жизнь Евгения, окунув его в таинственный и пугающий мир черной магии.

Дмитрий Потехин

Пандемониум

Евгений

Как-то раз по пути в редакцию журнала «Задира» студент Евгений Цветков, чьи безрадостные глаза напряженно бегали по строкам его новой сатирической поэмы в поисках ошибок, услышал за спиной перепалку, быстро переходящую в ругань. В утренний час трамвай был битком набит народом. Взгляд Евгения уперся в старую, неприятно пахнущую шубу, поблескивающую дорогими пуговицами шинель и деревенский тулуп, наполовину прикрытый мягкой, растекающейся по нему, седой бородой. Конфликт бушевал в дальнем конце вагона, и увидеть, что там происходит Евгений при всем желании не мог. Он снова погрузился в поэму, параллельно с поиском ошибок отчаянно стараясь как-то исправить ущербную рифму. Он слышал, как брань, словно инфекция охватывает все новых пассажиров. Каждый стремился вставить свое слово, и каждое новое слово, независимо от его предназначения, только раздувало пламя.

Когда на смену проплывавшему за окном заснеженному скверу пришли по-зимнему блеклые доходные дома с подслеповатыми сонно-серыми окнами, Евгений запихнул поэму в портфель и, поднявшись с места, стал протискиваться к выходу. Скандал, который вроде бы пошел на убыль вдруг разразился с прежней силой, как только трамвай начал сбавлять ход, подъезжая к станции.

Наконец, привстав на цыпочки, Евгений смог разглядеть, источник смуты. Какой-то слабоумный солдатишко решил проехаться в трамвае, затесавшись в толпу.

– Катись отсюда, сказала тебе! Вшей тут распускает! – орала толстомордая баба в шерстяном платке, яростно отстраняясь от солдата и тем самым толкая его к выходу.

– Давай, давай, братец! – примирительно поддакивал мужской голос. – Че тебе охота с бабой цапаться? Щас кондуктор придет, выставит тебя!

– Граждане! – завопил вдруг солдат детским плаксивым голосом. – Не толкайте, я выйду!

– Выходи, не задерживай! – прорычал здоровенный мужчина в козлиной шапке и, как только трамвай остановился, ринулся на солдата, словно живая гора. Пиликнула металлическая дверца, раздался крик.

Когда напирющий сзади поток выбросил Евгения на улицу, он мельком увидел солдата, который все пытался выхватить из-под ног пассажиров свою несчастную затоптанную папаху.

«Мне должно быть его жаль...» – подумал Евгений и устыдился того нравственного отупения, которое отчего-то происходило с ним в последнее время.

Утренний декабрьский воздух приятно кусал за щеки и вымораживал ноздри, ключьями белого пара валил изо рта. Нападавший за ночь мокрый снег уже облетел с ветвей деревьев; лежащий тонким слоем на земле, покрылся следами калош и птичьих лап. Похоже ему вновь предстояло растаять. Начавшаяся зима, словно нерадивый чиновник, не спешила приступить к своим обязанностям.

Евгений шел по слякоти мимо скользких под цокот копыт саней и гремящих по булыжнику пролеток, свернул в темную, облезлую арку, где летом всегда остро пахло мочой, зашел во двор-колодец с тремя облупившимися дверьми под гнутыми ржавеющими козырьками.

– С утричком вас, господин Цветков! – расплылся в улыбке полный швейцар в аляповатом картузе и задубелой, висящей колоколом шинели. Его маленькие глаза, чернеющие на толстой физиономии, как мухи на хлебе, по обыкновению смотрели один прямо, а другой резко вкось.

Евгений натянуто улыбнулся и, сбив с калош грязную слизь, прошел в заботливо распахнутую перед ним дверь. Поднялся на третий этаж.

Это был довольно просторный, пропахший сигарами и сладким кофе кабинет, куда даже в самые ясные дни мало заглядывало солнце благодаря темным занавескам и глухости двора. Скрипучий истрескавшийся паркет, весь в грязных отметинах, ветхие, как листья гербария обои. В двух стеллажах пылились, постепенно превращаясь в бумажный хлам, письма, оттиски, рукописи, альбомы с карикатурами, а также книги профессиональной направленности. Обладателя начальственного стола, главного редактора «Задиры» Андрея Зауера на месте не было. Висящий на спинке стула сюртук и дымящаяся чашка кофе обещали его скорое появление.

– Привет, Женюр! – улыбнулся стучавший в углу на печатной машинке молодой человек с напудренным до мертвенной бледности длинноносом лицом и сверкающими, прилизанными волосами.

– Привет!

Помощник Зауера по фамилии Калик, о котором Евгений знал только то, что это был очень женственный юноша, любивший изящные костюмы и все, что связано с Францией.

– Новая поэма, да? Андрей сейчас придет.

Евгений поставил портфель на пустующий стул и принялся ждать, слушая перестукивание клавиш, чередующееся с мерным тиканьем настольных часов.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и в кабинет нервной походкой, весь погруженный в своих внутренних демонов, ворвался сам Зауер. Он был лет на семь старше Евгения. Высокого роста, почти коренаст, с крупными кистями рук и высоколобым, широким, словно у совы лицом, неизменно держащим маску брезгливости и уныния. Верхнюю губу украшали совершенно безвкусные, точно приклеенные гримером «мышинные хвостики».

– Кому это все надо, кому... – бормотал он себе под нос, не замечая Евгения. – Черт бы их...

– О, ты? Привет! Давно не виделись! – Зауер подхватил руку Евгения и спешно пожал ее. – Как успехи, гений?

Евгений скромно улыбнулся и, ничего не ответив, вынул из портфеля рукопись.

– Неплохо, неплохо. У меня есть пять минут, сейчас ознакомлюсь. Присядь!

– Голубятня! – Зауер многозначительно поднял брови. – Что-то политическое, чую...

Он надел очки и склонился над поэмой, быстро прочесывая глазами текст и звонко отхлебывая кофе. Глубокая морщина пролегла меж его бровей.

Зауер был человеком незаурядного ума, талантливым журналистом, отлично знавшим историю, хорошо разбиравшимся в политике и поверхностно освоившим многие науки. Единственным пробелом в его знаниях, по мнению Евгения, было полное непонимание человеческой природы (что, впрочем, не большая редкость для интеллектуалов), а также, как с усмешкой признавал сам Зауер, неумение отличить ямб от хоря.

Маленькие, острые зрачки Зауера перескакивали со строки на строку с частотой секундных стрелок. На лице ни разу не возникло даже подобия улыбки.

– Ты хочешь, чтобы я *это* пропустил в печать? – недоуменно и, кажется, даже оскорбленно произнес Зауер, не дочитав до конца.

Евгений чувствовал, что дифирамбов не будет, но все-таки надеялся на более теплую реакцию.

– Что-то не так?

– Конечно, не так. Это же все про них! – он небрежно кивнул в сторону висящего на стене со дня начала войны портрета императора. – Черная галка в голубятне – это кто?

– Ну... это образ...

– Распутина! «Она была чернее сажи среди гордых белых голубей. Вот только кто об этом скажет, когда все прячутся за ней?»

– Это аллегория на любое общество, – смущенно проговорил Евгений, чувствуя себя отцом, узнавшим, что его новорожденный ребенок неизлечимо болен. – Общество, погрязшее в разврате, где любой харизматичный проходимец...

– Дальше можешь не продолжать, я был о тебе лучшего мнения!

– Я ведь не написал, что галку сочли святой, – упрямо продолжал Евгений. – Собственно, идею мне подал прежде всего Гоголевский «Ревизор»...

– Так! – Зауер раздраженно хлопнул рукой по столу. – Никакой общественно-политической эзоповщины, пока идет война! Это понятно? Писать так, чтобы дураку было смешно, а сукину сыну не обидно – замечательно. Вот только сукин сын нутром чувствует, когда речь идет о нем. Сейчас от тебя требуется писать, чтобы дураку было смешно! И только!

Евгений хмуро цыкнул языком.

– Ну а это что? – брезгливо продолжал Зауер. – «И потому во все века, галчатам носят червяка». Знаешь, сколько найдут толкований этих строк, когда м-м... нас всех посадят под замок?

Калик хихикнул.

– Возьми! Не обижайся и не сжигай. Возможно, в будущем она еще пригодится.

Евгений мрачно принял обратно свое детище, точно зная, что похоронит его в ящике стола.

По правде говоря, он не очень-то старался, когда творил свою поэму. Будучи даровитым поэтом, начавшим писать в семь лет, Евгений уже давно не стоял на коленях перед музой и считал вдохновение оправданием для бездарей. И все же ему было жаль усилий, времени, удачных острот, а главное, денег, которые он так и не получит в качестве гонорара.

– А если хочешь написать что-то социальное, – продолжал Зауер. – Вот тебе новость: актер из Екатеринбурга, фамилия... выпала из головы, но весьма известный, хотел отдать все свои деньги и имущество, включая квартиру, какому-то грязному, вшивому бродяге. И знаешь за что?

– За что?

– Чтобы тот позволил ему поселиться в своей землянке где-то в лесу и переждать там конец света и Страшный суд!

Евгений рефлекторно фыркнул, хотя не испытывал ни малейшего желания смеяться.

– Варваризация! Общество начинает жить химерами темных веков!

– Ну... по правде сказать, – Евгений кивнул в сторону утепленного ватой окна. – Повесть в конец света сейчас уже намного легче.

– Конец света наступит в жизни каждого из нас, – мудро заметил Зауер. – Естественно твоя задача – превратить эту историю в анекдот, в забавную ерунду без намеков и недомолвок.

– Я понял.

– И без галок, – ласково добавил Калик.

– Можешь, кстати, не спешить, – Зауер сделал красноречивый жест, означающий, что с деньгами по-прежнему туго.

Евгений понимающе вздохнул и, откланявшись, покинул кабинет, который любил и терпеть не мог одновременно. От нечего делать он медленными шагами двинулся вверх по улице, затем свернул на Пречистенский бульвар.

Ему было не весело и не грустно, а как-то по обыденному тревожно-серо. В голову лезла одна единственная навязчивая мысль, преследовавшая его уже много лет, словно отвратительный паразит. Нет... Скорее это был целый клубок разнообразных мрачных и едких размышлений. Со временем они сплелись настолько плотно, что уже не являлись по одиночке и нападали все разом, подобно семи головам мифической гидры.

Сквозь тонкие, как белая льняная простынь, облака нежно проглядывало невидимое солнце. Деревья, совсем недавно поражавшие красотой своих махристых белоснежных вет-

вей, теперь снова выглядели нищими и жалкими. Комьями намокшей пудры осыпался с них последний снег.

В конце бульвара, сотрясая воздух на сотни метров вокруг, бодро грохотал военный оркестр. Музыканты в серых с иголки шинелях и фуражках всячески разгоняли декабрьскую скуку, шваркая тарелками, громогласно трубя и колотя в белый барабан. Пышноусый дирижер неистово размахивал руками, отдавая команды на своем волшебном языке.

Непонятно почему Евгению вдруг стало их невыносимо, болезненно жаль. Не самих музыкантов и не тех, кто их слушал (отдельные люди уже редко пробуждали в нем сентиментальные чувства). Скорее ему было жаль всю эту праздничную обстановку, слишком напоминавшую те беззаботные, счастливые дни, которые больше никогда не вернутся.

Под монументом двое малолетних реалистов забавлялись тем, что смотрели в бумажную трубку мимо своих ладоней. Евгений знал этот нехитрый оптический фокус с «дырявой рукой». Пожилая бонна, устало ворча, поднимала и отряхивала упавшего в грязь малыша.

«Что в головах у этих людей? Как могут они жить так, словно ничего не происходит?» – думал Евгений, оглядываясь кругом. – «Либо все они первоклассные лицедеи, либо я и правда сошел с ума...»

Он поймал извозчика и пополз в низких санях к себе домой, глядя в небо и слушая проносившийся мимо стук копыт и гул трамвайных колес.

Жилище Евгения представляло собой одну большую, как попало обставленную комнату, которую он снимал на присылаемые отцом деньги. Родители Евгения давно разошлись. Мать, будучи полячкой, проживала в Кракове, с начала войны поддерживать с нею связь стало практически невозможно. Евгений мало тосковал по ней. Отец жил в Твери, где содержал трактир с гордым именем «Кутузов» и молодую любовницу. Он помогал Евгению деньгами, пока тот учился. При этом каждую такую посылку сопровождал укоризненным письмом, мол пора, сыне, встать уже на ноги и самому начать зарабатывать на хлеб. Этим Евгений и занимался, правда без особого азарта: давал частные уроки французского и английского, писал стихи для сатирического журнала. Похвастаться последним он, однако, не мог, по той причине, что отец, будучи глубоким патриотом и монархистом тут же проклял бы Евгения, узнав, что тот связался с «либеральной швалью». Лакеями Запада и врагами отечества, отец с легкой руки считал и тех, кто открыто призывал к свержению царя, и тех, кто писал в его адрес всякие смешные и, с точки зрения цивилизованного человека, безобидные вещицы.

Придя домой, Евгений полистал Римское право, полежал бессмысленно на диване с папиросой в зубах, разорвал и выбросил «Голубятню», ставшую вдруг ему невыносимо противной: дешево, бездарно, пошло – точь-в-точь, как у всяких доморощенных писак из «Будильников» и «Стрекоз».

В три часа он пообедал и, выйдя из дома, зашагал в сторону Спиридоньевской, щурясь от пощечин ветра. Снег уже превратился в серую кашу. Мерзко орали вороны. Громадная колокольня с крохотным потускневшим куполом, казалось, подпирала крестом густеющие облака.

Евгений остановился и посмотрел на церковь. Ему захотелось войти. Не потому что он был набожен, и не потому что ему было в чем раскисаться. Едва ли он сам мог ответить на этот вопрос. Он посторонился сгрудившихся у ворот и тянущих черные руки нищих и, отворив тяжелую дверь, вошел в сонный и в тоже время насыщенный какой-то едва осязаемой мощью полумрак.

Сотни свечей тревожно шевелили нежными, как крылья мотыльков, язычками, отражаясь в золоте помертвевших от времени, и от того лишь преумноживших свое скорбное величие, икон. Запах ладана очищал сердце и мысли.

Евгений не стал молиться, он только зажег свечу и попросил Бога наконец объяснить ему: «Зачем?» Не библейского Бога, а Бога вообще: своего, личного. Сквозь полумрак на него смотрели неживые и в то же время как будто знающие обо всем, пронизывающие разум пото-

ками света, глаза. Ему становилось легче, но совсем не так, как в тот первый день, когда он начал лечить свои терзания походами в церковь. Освобождения не было, была лишь его мимолетная, все больше отдающая самообманом иллюзия.

Высокий, до странности худой священник полушепотом объяснял что-то заплаканной старухе, вытирающей нос платком. Пещерным эхом разнесся чей-то кашель.

Евгений вышел из ворот церкви. Теперь его путь лежал к источнику тех ничтожных проблесков счастья, ради которых он жил последнее время.

Аня

Глуповато-улыбчивая горничная повесила шинель и фуражку Евгения на раскидистую, точно пальма вешалку. Евгений благодарно кивнул и по давно знакомому, пахнущему духами коридору с замиранием сердца прошел в полутемную, освещенную лишь таинственным зеленым ночником спальню, где шевелились и шептались знакомые тени.

Она возвышалась на фоне серого зашторенного окна, сидя по-турецки на стуле, босая, в атласных вишневых одеяниях, сшитых на восточный манер из обычной портьеры. Коротко подстриженные волосы и до забавности подвижные, мягкие черты лица придавали ей нежно-мальчишковатый вид.

В этот вечер невероятная подруга Евгения Аня Жужина собрала у себя все, чем могла похвастаться юная, увядающая в своих бесконечных поисках и метаниях, пишущая, поющая, бездельничающая и страдающая Москва.

Здесь была поэтесса Леля Августинова, чьи стихи были так же непостижимы, необъятны и бессмысленны, как сама вселенная, художница Мария Вранек, она же Изабелла, уже давно считавшая жизнь отвратительным испытанием и посвятившая этому все свое творчество, ядовито-мрачный, погрязший в сарказме карикатурист Максим Вигман, балерина Дарья Залевская, она же Найра, отличавшаяся поистине кошачьей самодостаточностью, доходящей до беспардонного эгоцентризма, Ник Бочаров – поэт-футурист, циник и весельчак, громоздивший свои стихи, точно пирамиды железного лома: чем уродливей, тем лучше, актер и певец Илья Головин, настолько близкий к народу, что предпочитал грубую крестьянскую рубаху любым модным нарядам, а также болезненно-изысканная с кокаиновым блеском в глазах гедонистка Альцина Броева, любившая гадать на картах и общаться с мертвыми.

Леля пела о Рыцаре печального образа, самозабвенно перебирая струны полосатой как арбуз испанской лютни. Барышни, словно забывшись дремой, плыли, подхваченные течением песни, и почти не заметили вошедшего Евгения. Лишь Аня удостоила его одной из миллиона своих ясных улыбок. Ник вскочил со стула и, как всегда бодро поздоровавшись, энергично стиснул руку. Мария, Илья и Максим отделалась кивками. Дарья и Альцина пребывали в ином мире.

Евгений некоторое время озадаченно искал, куда бы сесть, пока ему не подсунули какую-то крохотную бархатную подушку.

Леля продолжала вещать звенящим меццо-сопрано что-то про битву под стенами Маарры и тень прекрасной Адории, явившуюся герою в лучах знойного пустынного солнца. Ее неподдельно-скорбный взгляд был устремлен куда-то далеко, в открытую только ей одной действительность.

Когда последняя струна печально отдала свой короткий жалобный звук, Леля медленно опустила лютню на ковер и, словно еще не выйдя из песенного транса, обратила взор на Аню.

– Ты знаешь, все хорошо, – спустя некоторое время сказала Аня, обняв Лелю за плечи. – Только почему ты поешь о нем так, словно он все потерял и погиб? Он же, наоборот, вышел победителем.

– Аничка, ну как же ты не понимаешь! – горестно выдохнула Леля. – Его тело и разум живы, но сердце мертво!

– А я этого не услышала.

– Ну А-аня!

– По-моему, ты слишком увлеклась описанием ужасов битвы, – скромно заметила Мария. – А сама ни разу не прислушалась к своему герою. Не услышала его мольбы, не спустилась к нему с неба.

– Это правда. Для меня твой рыцарь остался неразгаданным, – согласилась Аня.

Леля хмурилась на глазах, как облако, наливающееся дождем.

– А с чего ему открываться перед вами! – то ли с шутливым, то ли с вполне серьезным вызовом вдруг промолвила она.

– О, да, вы же не его Адорьи! Многого хотите! – весело поддержала Дарья, разминая свою идеальную спортивную спину.

Аня, шутя кинула в нее скомканным платком:

– Молчи!

– И все же давай начнем с начала, – она внезапно испытующе заглянула Леле в глаза, будто речь шла о чем-то чрезвычайно важном и даже страшном. – Там, где поется о его бегстве от себя: «От мгlistой башни, где одна, она желала избавленья...» Как там дальше... Почему? Объясни, Леля! Он же не невинный Парсифаль, ты сама это не раз подчеркивала. Что же могло так выбить его из седла?

Ник устало поглядел на Евгения и, высунув язык, завел зрачки под верхние веки, показывая, как сильно его доконало щебетание поэтесс. Евгению тоже было тоскливо, правда еще и по тем причинам, о которых Ник в силу своей природы вряд ли мог догадываться.

– Я тебе советую: сделай его повеселее!

– Точно! – согласилась Дарья. – Пускай Адория будет лучше всех этих арабских блудниц, которых он встречал в пути...

Обсуждение песни перешло во взаимные дружеские издевки.

– А ты что скажешь, Альцина? – вдруг обратилась Аня к сидевшей в углу и все это время не обронившей ни слова Броевой.

Альцина, как весьма необычная, но далекая от искусства гостя, была в их кругу немного изгоем. Она постоянно глядела то в окно, то на свои перстни, нанизанные на каждый палец обеих рук. У нее было маленькое бледное лицо, которое можно было бы назвать симпатичным, если б не страшный загробный взгляд из-под тяжелых век и не торчащие жутковатой копной волосы, в которые несмотря на юный возраст уже закралась седина.

– Великолепно! – отрезала та совершенно равнодушным тоном.

– А что думают наши господа?

Господа один за другим стали разводить руками и расплываться в глупых улыбках. Расстраивать белокурую красавицу Лелю не смел никто.

Илья начал тихо и незатейливо тренькать что-то на балалайке, наполняя комнату простой истинно русской душевностью.

– Мне сегодня приснился такой сон! – неожиданно объявила Дарья, откидываясь на спинку стула и вытягивая вверх крепкие, как канаты руки. – Мне снилось, будто я приехала выступать в театр, начинаю переодеваться и вижу, что вместо ног у меня выросли две огромные, страшные куриные лапы!

Ник прыснул в рукав. Аня притворно задохнулась, вытаращив глаза.

– И как? Удачно станцевала? – насмешливо спросил Максим, кривя в ужимке свое некрасивое лошадиное лицо.

– Нет! Я искала, где мне спрятаться!

– Да ладно! Куриные лапы – прекрасная творческая находка! Всем нормальным мужчинам уже давно осточертели эти малюсенькие белоснежные ноженки, похожие на соломинки – тьфу! Публика хочет чего-то неожиданного, дерзкого. Поглядите, с какой бешеной скоростью меняются и насыщаются наши аппетиты! Филе из лягушки, наркотики, футуризм, великая война – остался только балет на прекрасных куриных ногах!

– Не трожь футуристов! – рявкнул на него Ник.

– Хотя, да, – весело согласился он. – Думаю, от желающих облобызать твои чудные ножки по выходу из театра не было бы отбоя!

Дарья в шутовском отвращении сморщила нос.

В комнату, шепча извинения, вошла горничная. В руках она держала поднос, на котором стояли, вздымая пар, крошечные чашечки, пузатая сахарница со щипцами и блюдце конфет.

С величайшей осторожностью и все равно ошпаривая рот, Евгений пригубил совершенно черный и невероятно душистый чай.

«Что за дикость – подавать кипяток!»

Кукушка, показав клюв из настенных часов, прокуковала шесть.

– Ну-с, – Ник внезапно поднялся со стула. – Настало время всем отведать моей писанины!

– Что-то страшное грядет! – покачала головой Аня.

– Еще какое страшное! Плащ! – он принялся спешно оглядываться кругом. – Мне жизненно нужен плащ или хотя бы мантия! Срочно!

Мария передала ему шерстяной плед, который Ник, благодарно кивнув, ловко завязал у себя на шее, и в таком виде, изображая суровую задумчивость, медленно вышел в середину комнаты.

– Кхм-кхм! Им гроссен унд ганцен... Как-то раз потерял земной шар и экватор, и ось. Бог-диктатор, как повелось, лучше нас знает, как нам на шарике жить. Чтоб вопрос разрешить приказал он своим прихвостням, ти-хость нам привить посредством плетей и кнута...

Евгений апатично слушал эту уводящую в тартарары околесицу. Когда Ник наконец закончил и, для пущей убедительности сожрав вместе с оберткой конфету, вернулся на свое место, Евгений почувствовал, что внимание публики переходит к нему.

– А у тебя с собой есть что почитать? – мягко спросила Аня.

У Евгения действительно было, что почитать. Пару недель назад он написал очень искренний и красивый стих, рассказывающий о некоем безжалостном кукловоде, управляющем человеческой жизнью. Стих этот, однако, так бесстыдно обнажал его слабость и страхи, что читать его было немного совестно.

– Нет, – ответил Евгений.

Он глядел на Аню, в ее веселые черные глаза и в который раз сознавал, насколько они далеки. Она и правда жила в каком-то другом, лучшем мире. В мире, где не было ни политики, ни войн, ни либералов, ни черносотенцев, где немцы были такими же людьми, только к тому же философами и композиторами. Ее не тревожило положение на фронте. Ее не пугала чехарда министров по наущению пьяного монаха. Ей были неведомы темные слухи, бродившие вокруг Гучкова и Родзянко. Евгений любил ее. Наверно. Впрочем, за годы дружбы он хорошо усвоил, как тесно соседствовали в ней детская непосредственность и житейская мудрость с совершенно недетской прямолинейностью и даже порой не совсем женским цинизмом. Это проступало даже в ее стихах, которые к слову были просто великолепны.

Стоило признать, что и другие гости явно не жили с Евгением в одной вселенной или, по крайней мере, умели из нее вовремя выбираться. Ни у кого из них не было таких прямых, сведенных бровей, украшающих высокий лоб скорбными морщинами. Никто из них не умел так вымученно улыбаться и так безнадежно-затравленно устремлять куда-то погасший взгляд.

– Жаль! – сказала Аня, скрестив пальцы и задумчиво глядя сквозь них. – Альцина, а что бы ты могла рассказать нового о своей жизни? Как проходят путешествия в астрал?

Альцина улыбнулась и сделала туманный жест, тихо звякнув кольцами.

– Ну? – продолжила Аня с ироничным и в то же время неподдельным любопытством.

– Я видела кое-что.

– И что же?

– Как мы все умрем.

– Фу! – воскликнула Дарья.

– Да уж такие вещи лучше сохранять в тайне, – снисходительно улыбнулась Аня. – Зачем отравлять себе остаток жизни и лишать смерть удовольствия преподнести нам сюрприз.

Она уже собиралась отвести разговор подальше от зловещей темы...

– А что, мне очень интересно! Ну-ка просвети меня, когда и как я умру! – потребовал Ник, у которого от этой новости в глазах загорелась крохотная, вполне отчетливая безуминка.

Альцина равнодушно пожала плечами, ни на йоту не изменив свой страшный взгляд.

– Ты умрешь через год от выстрела в затылок.

– Ого! – заорал Ник едва ли не с восторгом. – Вы слышали! Черт, вот это да! Даже не в кораблекрушении! Выстрел в затылок – хо-хо! Но все одно, лучше, чем от старости!

Он принялся шутить, требуя сейчас же принести ему пистолет, чтобы не подводить Альцину. Никто, однако, не засмеялся.

– Тебе об этом нашептал господин Кокш? – с издевательской усмешкой спросил Альцину Максим. – Или мсье Морфиус?

– Страшно? – оскалилась та.

– Ни капли. Можешь рассказать мне, как я умру.

– Тебя убьют через двадцать пять лет в Царицыне.

– Ну вот и все, – осклабился Максим, хлопнув в ладоши. – Благодаря тебе я никогда в жизни ни за что не поеду в Царицын. Даже если меня там ждет любовь или миллион рублей.

– Судьбу не перехитришь.

– Да ну!

– А я? – ни с того ни с сего спросила Аня с каким-то детским спокойствием.

Внутри у Евгения что-то дернулось.

– Что меня ждет?

– Жизнь в Греции и тихая смерть в восемьдесят семь лет.

Аня шутливо зааплодировала, как будто выиграла в лотерею небольшую сумму денег.

– Везет же! – проворчал Ник.

Леле и Илье тоже повезло, хотя и не так сильно.

– А что же наша прорицательница? – процедила Мария, глядя на Альцину с нескрываемой злостью и страхом. – Когда сама собираешься на тот свет?

– Мне плевать, – Альцина равнодушно закрыла глаза и утонула в кресле. Со всех сторон в нее летели саркастичные шуточки и упреки, разбиваясь о каменную стену искреннего безразличия.

Никто по-настоящему не верил этой полусумасшедшей бестии. Многие смеялись, но настроение дружеской встречи, кажется, было убито на корню.

– Я хочу, чтобы она никогда, никогда больше не переступала порог твоей квартиры! – донесся до уха Евгения гневный шепот Марии, когда та надевала в холле пальто.

Аня пыталась что-то возразить.

В этот вечер Евгений не позволил себе узнать, как и когда закончит свою жизнь. Было ли это малодушие или мудрость, он так и не решил, но общаться на эту тему с Альциной ему не хотелось. Да и на другие темы тоже.

Доктор Беннетт

Кабинет психолога доктора Беннетта, об услугах которого Евгений случайно узнал из объявления в газете, представлял собой внушительных размеров домашнюю библиотеку, в конце которой, на фоне арочного окна стоял широкий, отполированный до стеклянной гладкости письменный стол и два туго обитых кожей кресла: для хозяина и для посетителя. Мягкий ковер непривычно и приятно пружинил под ногами, словно болотный мох. В тяжелых, цвета горького шоколада шкафах таинственно поблескивало золото дорогих переплетов, многие из которых, судя по названиям, имели английское и немецкое происхождение. В целом комната производила настолько весомое и при том уютное впечатление, что Евгению на миг почудилось, будто, переступив порог, он очутился в какой-то другой, далекой, но очень близкой его сердцу стране, где в глубине души мечтал бы родиться.

Доктор Беннетт обладал приятной, даже, пожалуй, слегка приторной наружностью. Невозможно было сказать наверняка, сколько ему лет: пятьдесят или шестьдесят пять. Несмотря на то, что его густые волосы были седые, как мех горностая, полнота и свежесть лица придавали доктору очень моложавый вид, который немного лишь портили дряблые старческие веки. Как и у многих западных европейцев его лицо было несколько вытянуто, но сохраняло симметрию черт. А глаза... Евгений не мог объяснить себе, в чем тут фокус. Небесно-голубые глаза доктора были до того ясны и беззаботны, что сам их взгляд казался Евгению каким-то потусторонним. Эти удивительные, теплые и в то же время пустые глаза человека из другого мира, напрочь лишённые русской пасмурной дремучести, выражающие мысль, но мысль не бесплодную, а четко направленную на достижение задуманной цели.

Доктор Беннетт искренне улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов.

– Присаживайтесь.

Евгений стянул рот в жалкое подобие улыбки и опустился в кресло.

– Я к вашим услугам, – продолжал доктор без намека на акцент.

Евгений заметил, что улыбка моментально сошла с его губ, как только он различил на лице своего посетителя маску уныния. Теперь Беннетт сам выглядел серьезным и вроде бы даже настороженным.

Евгению стало неловко. Он попытался заговорить, но язык словно онемел, а мысли спутались в клубок.

«Еще пара секунд и я буду выглядеть идиотом!»

– Давайте познакомимся, – мягко начал доктор. – Вы, должно быть, уже знаете мое имя.

– Да, конечно... извините. Меня зовут Евгений.

– Очень приятно. Расслабьтесь, Евгений. Расскажите мне о себе то, что считаете нужным. Я вижу, что у вас есть груз, которым необходимо поделиться.

– Да...

– С вашего позволения, я буду иногда прерывать вас, чтобы делать пометки в блокноте, а также задавать уточняющие вопросы, чтобы лучше понять вашу проблему. Все, что вы здесь расскажете останется между нами. Вам ни в коем случае не стоит опасаться огласки.

Евгений не без зависти отметил, что доктор великолепно владеет русским. Лишь книжное совершенство, к которому он пытался привести каждую фразу, выдавало в нем иностранца.

«А еще говорят, англичане ленивы в изучении языков», – подумал Евгений, ощущая собственную лингвистическую серость. – «Быть может, он заранее подготовил фразы?»

– Постарайтесь доверять мне, – продолжал доктор. – Ничто в нашем разговоре не имеет такого значения, как ваша искренность. Мне важно понять не только то, как вы ощущаете свою проблему, но и то, какой вы представляете себе помощь с моей стороны.

Евгений вздохнул. Ему совсем не хотелось открываться перед этим милым, но совершенно чужим человеком. Что он мог ему рассказать? Поведать о своем тусклом детстве, постоянных переездах из города в город в результате отцовских авантюр, о ежедневных ссорах между родителями? Или рассказать о гимназии, которую терпеть не мог, хотя и любил учиться?

О том, как за свои ничтожные двадцать лет смог убедиться, что живет в сумасшедшем мире, в страшной стране, в неправильную эпоху? Да, пожалуй, этим последним поделиться стоило.

Доктор слушал внимательно, не позволяя себе даже моргнуть, понимающе кивал и аккуратно перефразировал, мельком чиркая что-то в записной книжке.

– Извините, вы сказали, что ваш отец глубокий и убежденный монархист, – Беннетт внезапно прервал Евгения. – Но прежде, по вашим словам, он не желал даже слышать имя царя.

– Да. Десять лет назад, когда мы проиграли войну Японии, он плевался и говорил: «пусть его свергают». А с началом этой войны снова воспылал к нему любовью.

– О да, теперь я понимаю. Метания сердца...

Евгений вдруг отчетливо понял, каким доктору представляется его отец: небритый мужик с дикими, вытаращенными в погоне за очередной пьяной иллюзией глазами – персонаж великой и ужасной русской литературы, которую так любят на Западе.

Как ни странно, разговор, в котором доктор почти не участвовал, и который больше походил на монолог Евгения, сам по себе оказывал на него расслабляющее действие. Он чувствовал, что с каждой минутой все легче перешагивает через внутренние барьеры и уже спокойно рассказывал доктору то, чего в начале беседы не собирался и касаться. Он даже неожиданно для себя прочитал свой последний истеричный стих.

В какой-то момент доктор Беннетт отложил перо и внимательно поглядел в глаза Евгения с тем же видом, с каким рыбак смотрит на дергающийся в воде поплавок.

– Итак... могу ли я предположить, что ваша тревога – это фактически страх перед жизнью?

Евгений неуверенно вздохнул и всплеснул руками.

– И этот страх имеет три основных источника. Первый, – доктор загнул палец. – Вам кажется, что окружающая реальность слишком абсурдна, чтобы быть реальной. Вы недоумеваете, почему существует такое явление, как смерть, как с ним вообще можно мириться и почему все мирятся. Вы не можете понять, как человек, способный мыслить и творить великие вещи, умирает подобно самому ничтожному насекомому, и почему какая-то безмозглая рыба, плавающая в океане, проживет дольше нас с вами. Сама идея того, что земля под вашими ногами – это огромный шар, вертящийся в бесконечном космическом пространстве, вызывает у вас оторопь. Ведь с точки зрения вашего жизненного опыта это абсурд.

Евгений кивнул.

– Далее, – доктор загнул второй палец. – Вам не дает покоя мысль, что, существуя в абсурдной вселенной, вы еще к тому же ухитрились родиться в самой абсурдной и трагичной стране, напоминающей, как вы выразились, огромный Бедлам. Причем вы родились в эпоху, когда на плечи этой страны одно за другим ложатся тяжкие испытания.

– Не только моей страны, – смущенно проговорил Евгений. – Я отдаю себе отчет, как сильно сейчас страдает ваш народ и вся Европа.

– О да... – доктор закивал, скорбно прикрыв свои лучезарные глаза. – Это омерзительная война! Я бы назвал ее позором белой половины человечества. Но, тем не менее, вы верите, что ваша страна (я ее тоже с некоторых пор считаю своей) стоит на пороге чего-то несравнимо более страшного, чем все ужасы, которые могут выпасть на долю Британии или, например, Германии.

– Да.

– Признаться, я не разделяю вашего пессимизма, – внезапно заявил доктор.

– Не разделяете?

– Совершенно, – Беннетт мудро улыбнулся, и в его взгляде впервые блеснул бодрый цинизм. – Русский народ очень юн. Тем не менее я чувствую, что именно эта война станет решающей ступенью в его взрослении. То, что отбрасывает Европу назад, вероятно поможет России пройти мучительный рубеж своего психологического развития.

«Неужели славянофил?» – с удивлением подумал Евгений. – «Или притворяется...»

– В либеральном журнале, где вы работаете, вам приходится слышать противоположное, верно?

– Абсолютно.

– Я понимаю вас. С одной стороны, дикое стадо патриотов, у которого тяга к разрушению и убийству давно вытеснила все светлые чувства к родине, с другой – люди, чье отношение с собственной стране, как повелось в России, колеблется между равнодушием и почти что ненавистью. И те, и другие кажутся вам чудовищами, съедающими нацию с двух концов.

– Я привык к этому, – в который раз вздохнул Евгений, пожав плечами.

– Ну и третья, – доктор Беннетт вернулся к прежней теме, словно и не уходил от нее. – Еще одним, наверно самым таинственным источником вашего страха перед реальностью являетесь вы сами, ваше мироощущение. Вы опасаетесь, что ваш субъективный взгляд на мир единственно правильный. Ведь если так, то жизнь – это один беспросветный ад, из которого нет выхода. Вы даже допускаете, что сами создаете и контролируете эту реальность и против своей воли, словно проигрывая чей-то злой сценарий, ведете к мучительному разрушению и ее, и себя. По вашему признанию, вас настораживает то, что вы вообще до сих пор живы. Что вас не убил отвалившийся от карниза кирпич и не переехала повозка. Следовательно, ваша жизнь имеет смысл и цель, но, не понимая этой цели, вы допускаете, что единственный ее смысл – драматичное саморазрушение, постепенный спуск в девятый круг ада.

– Вы прочитали мои мысли, – тихо произнес Евгений, чувствуя ни то облегчение, ни то стыд.

Прежде никто еще не забирался с таким хирургическим профессионализмом в недра его души.

– Я просто резюмирую все, что услышал от вас, – скромно улыбнулся доктор. – Вы не верите в доброго бога, потому что видите, что мир наполнен злом. Но, насколько я могу судить, в бога-садиста вы тоже не верите: это было бы слишком просто. Для вас бог – это именно тот неведомый и коварный автор, написавший сценарий, по которому идет ваша жизнь и жизнь мира вокруг. И что задумал этот автор, какой он уготовил конец, окутано пугающей неизвестностью.

Евгений грустно пожал плечами.

– Вы пишете стихи. Стих, который вы прочитали, поведал мне о вас, пожалуй, больше, чем вся ваша исповедь. В каком возрасте вы начали писать?

– В семь лет.

– М-м... Скажите, а в строках «Буду жить кукловоду назло» (если я правильно их помню), на что бы вы сделали акцент: на слово «жить» или на слово «назло»?

– Разве это важно? – спросил Евгений, подняв брови.

– О да. Если вы собираетесь только «жить», это значит, что вы ставите перед собой задачу сохранить себя, несмотря на все гадости и ужасы, которые неизбежно обрушит вам на голову проклятый «кукловод». Если же вы намерены жить ему «назло», это значит, что вы отказываетесь исполнять роль, которую он вам уготовил. Вы разрываете с ним контракт и начинаете вести себя, как вам заблагорассудится, плюя на его правила.

– Я не совсем понимаю вашу метафору.

– Вы человек, который живет строго по нравственным законам. Вы так воспитаны. И это хорошо. Но, где-то в глубине души вы чувствуете, что именно такая жизнь делает вас совершенно беспомощным, превращает в раба. Вы видите, что реальность, которая становится все более жестокой и подлой (вы еще взрослеете, не забывайте об этом) располагает к совершенно другому, чуждому вам поведению. Вы чувствуете себя... в западне.

Евгений смиренно поджал губу.

– Послушайте, – доктор наклонился и, скрестив пальцы, заговорил вкрадчивым полупешотом, загадочно глядя из-под бровей в глаза Евгения. – Все плохое рано или поздно заканчивается. Вы можете мне не верить, но я скажу то, в чем глубоко убежден: эта война продлится еще год или полтора года. Она закончится. Вопрос в том, сколько душевных сил она успеет высосать из вас.

Евгению хотелось в это поверить. Пусть даже ничего особенно оптимистичного в словах доктора не было. Полтора года – ничтожный срок в мирное время. Теперь, когда жизнь менялась к худшему с каждым днем, даже такое пророчество едва ли могло вселять надежду.

– Вы мне можете что-то посоветовать? – мрачно спросил Евгений.

– А что бы вы посоветовали себе сами? Чтобы перехватить инициативу у «кукловода» надо сделать то, чего он никак не ожидает. Верно?

«Неужели он предлагает мне развеяться?» – вдруг подумал Евгений с разочарованием и тоской. В его воображении мигом нарисовался желтеющий в ночи тусклыми окнами дом свиданий и загородный ресторан с белозубым негром-швейцаром, пальмами и цыганами...

Доктор Беннетт молча смотрел на него, задумчиво ощупывая свой гладко выбритый подбородок в ожидании ответа.

– Я не знаю, – промолвил Евгений. – Посоветуйте мне.

– Хм... Мне нелегко брать на себя такую ответственность.

– Я разрешаю.

– Ну что ж... Вы не увлекаетесь женщинами, вы нетерпимы к алкоголю, вам неприятны азартные игры. Ваш разум требует гораздо более тонких и изысканных наслаждений, которые оторвали бы вас от грязных реалий этого мира. М-м... да! Вы слышали, что-нибудь про Мсье Фантазма?

Евгений покачал головой, хотя, кажется, видел мельком это имя на афишной тумбе.

– Это знаменитый иллюзионист и гипнотизер, недавно приехавший на гастроли в Москву. К сожалению, я знаю о его искусстве чуть больше, чем ничего, но судя по отзывам публики, это что-то невероятное. Попробуйте его посетить.

Евгений улыбнулся, глядя в чистые, как майское небо, глаза доктора Беннетта.

Когда он собирался уходить и уже коснулся позолоченной ручки двери, за спиной прозвучали прощальные слова:

– И помните: я люблю поговорить и выслушать, но я не волшебник. Помочь вам можете только вы сами.

Мсье Фантазм

Евгений трясся в больших, неуклюжих санях, глядя в синюю спину медведеподобного извозчика. Вечерело. Сиреневатым светом наполнялись висящие над улицей матовые шары. Самодовольно сияя золотом, пронеслись мимо роскошные витрины магазинов и ресторанов Тверской, подсвеченные вывески и высокие окна дорогих квартир. Из мрака то и дело выныривали встречные экипажи, швыряя в лицо какую-то ледяную мерзость. Извозчик неприятно высоким, певучим голосом подгонял лошадь, точно старался впечатлить Евгения своим мастерством.

– Ездить нонче трудно стало! – вдруг пожаловался он. – У товарища моего третьего дня автомобилем кобылу зарезало...

– Да, – промолвил Евгений, не вдаваясь в суть услышанного. – Вы точно поняли, куда меня везти?

– А как же! Обижаете, ваше блаародие!

Уйдя в свои мысли, Евгений не заметил, как в загустевших сумерках его привезли к старому зданию, построенному в весьма оригинальном для Москвы стиле. Острые, углова-

тые фронтоны с флюгерами и узкие решетчатые окна придавали ему вид ведьминого дома из сказки. Синий снег обволакивал его, застыв морскими волнами посреди двора.

Это был театр сестер Зандаровых, однажды наделавших много шума в богемных кругах своими дикими экспериментами, а через пару лет тихо растворившихся в забвении. О грядущем выступлении всемирно известного Мсье Фантазма говорил лишь невзрачный черно-белый плакат, висящий на дверях. Публики было совсем немного, зато почти вся она съезжалась к воротам театра на лихачах, а кто-то даже в личных экипажах.

– Эфген Цветкофф! – Евгений услышал знакомый голос, хотя не сразу вспомнил, кому он принадлежит.

Вылезавший из саней футурист Ник Бочаров в искрящейся снежинками шубе, дорогом цилиндре, с модной тростью в руке улыбался широкой нетрезвой улыбкой.

– Ты ли это! Решил послать к черту всю эту оперно-балетную... – он выплюнул непечатное слово, как сливовую кость.

– Привет! Н-да, решил послать.

Ник через плечо дал извозчику десять рублей и, припрыгивая, подошел к Евгению.

– А сам ты что тут делаешь? – спросил Евгений, подавая руку. – Ты ж у нас вроде как футурист, а не мистик.

– Я еще и фантомист, приятель!

– Что это за направление?

Ник раскрыл рот, но вместо слов лишь облизнул нижнюю губу и неопределенно взмахнул рукой.

– Ладно... Ит из ол бош! Но, все-таки, признайся: что тебя толкнуло приехать поглазеть на это бледное чучело? – он кивнул в сторону входа.

– Знакомый посоветовал.

– М-м... И где же этот знакомый?

– Не знаю, – Евгений пожал плечами, чувствуя, что разговор уходит в какие-то дебри. – Он не обещал быть.

– Странно, странно. Впрочем, дело твое. Скажу лишь по секрету (если ты еще не знаешь), половина из тех, кого ты здесь видишь, и я в том числе, приехала сюда не за фокусами, – Ник хитро подмигнул и причмокнул губами, словно намекал на что-то глубоко порочное. – Не за ними. Фокусы – это чепуха для отвода глаз.

– А зачем?

– Узнаешь. Ты мой, можно сказать, друг, так что я от тебя делать секретов не буду. Как только сеанс закончится... А, впрочем, сам увидишь. Пошли!

Они зашли в театр. Сумрак, наполняющий зрительный зал, как и в церкви был словно соткан из некоей волшебной энергии. Правда энергия эта была другого рода: не очищающая. Кроваво-красный шелковый занавес, водопадом сползающий вниз, казалось, пылал изнутри. Неестественно-ярким светом отливало он на фоне темных стен и бордовых бархатных кресел. Под потолком тихо вздрагивали огоньки свечей.

Зал был не настолько велик, чтобы иметь этажи. Ник и Евгений сели в середине третьего ряда. Справа от них весело шушукалась молодая парочка: утопающая в мехах, сверкающая камнями барышня и длинноногий щеголь с козлиной бородкой, которую он постоянно и самодовольно теребил. Слева пожилой человек с густой гривой зачесанных назад волос и трубкой в зубах сосредоточенно глядел на сцену, точно шахматист на вражеские фигуры.

– Мазаев! – едва слышно шепнул Ник, указав глазами на старика.

– Кто?

– Известный фокусник.

– Не спрашивайте меня, как это делается! – рявкнул тот.

Нет ничего слаще нескольких минут томительного ожидания, тянувшихся перед зрелищем.

В какой-то миг Евгений заметил, что становится темнее. Это было странно, ведь свечи никто не гасил. В следующую минуту он понял, что это слабеет источник света, спрятанный за занавесом. На фоне темно-багрового пятна, почти растворившегося во мраке, откуда ни возмись возник человек высокого роста, облаченный в черный, дающий резкие отблески, фрак. Его совершенно лысая, напоминающая череп голова с острыми чертами поражала своей бледностью. Она почти не уступала белизной манишке и перчаткам. Глаза скрывались от публики за непроглядными линзами причудливых черных очков.

Мсье Фантазм, телосложением напоминающий огромного комара, равнодушно обводил публику невидимым взглядом, не произнося ни слова. По мере того, как света становилось все меньше, Евгений вдруг осознал, что перед ним уже не человек, а плавающее во тьме белое лицо над треугольником манишки и маячащие, как белоснежные летучие мыши, кисти рук.

«Вот, что значит искусство!» – восхищенно подумал он.

Из тьмы раздался неизвестно чей высокий, страстный голос:

– Дамы и господа! Дабы никто из вас не усомнился в истинности творящегося на сцене волшебства, Мсье намерен провести сеанс при непосредственном содействии каждого зрителя. Сейчас Мсье выберет одного человека из публики в качестве ассистента для предстоящего фокуса.

Человек-комар вытянул запечатанный в перчатку указательный палец и медленно повел им по головам присутствующих. Казалось, он выбирает, кого бы из них застрелить. Евгению почудилось, что палец смотрит прямо ему в лицо. Нет, это невозможно. Вздор! Когда ты зритель, тебе всегда мерещится, что артист тебя видит.

– Тебя выбрали, вставай! – взволнованно проговорил Ник.

– Меня?! М-может, кого-то сзади?

– Юный господин в серой тужурке, – донесся голос из темноты. – Да, вы! Мсье просит вас пройти на сцену!

Евгений поднялся с места и, боясь споткнуться о чьи-то ноги, спешно выбрался из зрительных рядов к ступенькам сцены.

Вблизи Мсье Фантазм показался ему совершенно нереалистичным, словно сошедший с киноэкрана черно-белый герой фильма. Он даже подумал, что, может, это и есть искусно воспроизведенный человеческий образ, что в этом и состоит главный фокус вечера.

Но нет, перед ним стоял человек из плоти и крови. И лицо его, несмотря на толстый слой пудры и очки, все же явно было обращено к Евгению. Евгений приблизился к иллюзионисту и вдруг увидел в его черных стеклах собственное искаженное отражение. До жути странно.

Мсье Фантазм извлек откуда-то длинную сверкающую шпагу и подал Евгению. Потом растегнул верхнюю пуговицу своего фрака, продемонстрировал нарисованный на белой рубашке крохотный красный крестик. Его острый, тонкий палец требовательно постучал по отметке.

Евгений похолодел. Судя по весу, шпага была самая настоящая: не из крашеного дерева и не из резины.

– Вы хотите...

Иллюзионист покивал с ледяным спокойствием на лице.

Евгений представил, как он, неправильно поняв указание фокусника, пронзает его шпагой насквозь. Окровавленное тело бьется в предсмертных судорогах, в зале крики ужаса. Полиция хватает Евгения и, не желая слышать оправданий, швыряет за решетку.

Фантазм еще раз настойчиво постучал себя туда, где заканчивалась грудь, и начинался живот.

Евгений поднял шпагу и прицелился. У него возникло желание спросить по-французски, правильно ли он все делает, но лицо иллюзиониста уже начинало каменеть от злобного напряжения.

Мысленно молясь всем святым, Евгений шагнул вперед и вонзил шпагу в – он это явственно почувствовал и услышал – мягкую живую плоть.

«Я убил его, мне конец!»

Он без сил выпустил шпагу, и та нелепо повисла, торча из тела Фантазма, и готовая упасть на пол. Фокусник раздраженно подхватил ее и всунул в себя еще глубже, так что острие вышло у него из спины.

Евгений шатался, чувствуя, как застывшая в мозгу кровь вот-вот свалит его в обморок. Фантазм рывком выдернул шпагу, не оставив при том на рубашке даже кровавого следа. Лишь узкая, мертвая щелка, зияющая пустотой.

Евгений вернулся на свое место под грохот оваций. Его мучило все сильнее. Он чувствовал себя соучастником омерзительного действия, вроде публичного насилия, хотя было очевидно, что это всего лишь ловкий трюк.

Без всякого удовольствия, даже с содроганием смотрел он, как Мсье Фантазм входил и выходил из зеркала, заставлял плясать деревянные куклы, загипнотизировал и поджег даму, которая стояла как вкопанная, пока огонь пожирал ее, а потом вернулась на свое место без единого ожога.

– Все проще простого, – весело говорил Ник, когда Мсье Фантазм исчез за кулисами, и публика, восхищенно шепчась, стала подниматься с кресел. – Рукоятка шпаги внутри поляя, лезвие убирается в нее.

– Но я же видел, как шпага вошла ему в грудь...

– Не в грудь! У него под рубашкой мягкий материал, а за ним стальной лист или что-то в этом роде для защиты. А кончик шпаги, торчавший из спины, приводится в действие тайным механизмом.

– Все равно не могу поверить.

– Ты как гимназистка, ей богу!

Евгений хотел возразить, что хруст пронзаемой плоти подделать невозможно, но Ник напомнил ему, что Мсье Фантазм еще и великий гипнотизер.

Они зашли в буфет, где подкрепились пирожными и выпили по стакану ананасовой воды.

– Пора! – бодро промолвил Ник, взглянув на стрелки карманных часов.

Они вернулись в опустевший зрительный зал. Ник уверенно повел Евгения за кулисы, где среди пыльных декораций и груд реквизита виднелась маленькая, очерченная слабым контуром света дверь.

Евгений думал, что это примерная, но, войдя, убедился в своей ошибке. Комната была небольшая, заставленная по углам разнообразной утварью не хуже кладовой старьевщика: предметы мебели, стенные часы, даже рассыпающийся в прах старинный клавесин, чьи клавиши были редки и кривы, как зубы во рту извозчика. На столе горела электрическая лампа с рыжеватым бумажным абажуром, похожим на крыло дракона.

На четырех расставленных полукругом стульях сидели два молодых человека и две барышни. Позади них, глядя прямо на вошедших Ника и Евгения, восседал в протертом кресле сам Мсье Фантазм. На нем был все тот же фрак и все те же очки – он и не думал расставаться со своим сценическим образом. Более того, на колене у иллюзиониста, безжизненно свесив тряпичные ноги, разместилась здоровенная кукла в лакейском платье с круглой деревянной головой и отворяющейся зубастой челюстью.

Присутствующие устремили на Евгения любопытные взгляды. Очевидно было, что Ника здесь уже знают.

– А-а, это тот самый юноша, который пронзил Мсье шпагой! – высоким страстным голосом заговорила кукла, хлопая зубами.

В то же время бледное лицо Фантазма сохраняло каменную неподвижность, рот оставался плотно закрыт, вокруг не дрогнул ни один мускул.

– Позвольте узнать ваше имя!

Евгений настолько оторопел, что не мог выдать ни слова. Ум понимал, что перед ним обычный чревовещатель, но сердце вдруг забарабанило так, словно в кресле сидел призрак, вурдалак или что похуже. Будто переступив порог, он провалился в жуткий бредовый сон.

«Так это он с нами разговаривал во время сеанса!» – с ужасом осознал Евгений, помня, что голос тогда шел откуда угодно, только не из уст фокусника.

Ему захотелось бежать. Глядя на говорящую голову и страшно неподвижное лицо Фантазма, Евгений беззвучно дергал губами и зачем-то неосознанно пытался ухватить Ника за рукав.

– Мсье не владеет русским языком. Я его переводчик. Так извольте же наконец представиться, или вы тоже приехали из другой страны?

– Ну давай, чего молчишь! – смущенно проговорил Ник, слегка отстраняясь от Евгения. – Шуток не понимаешь, что ли?

Евгений, сбросив оцепенение, назвал свое имя. Он вдруг подумал, а скорее даже понадеялся, что Мсье Фантазм засмеется или хотя бы улыбнется, отложит в сторону куклу, снимет очки, за которыми скрываются веселые озорные глаза взрослого ребенка.

Вместо этого белолицый призрак устами деревянного болванчика предложил ему присесть на один из пустующих стульев.

– Все в порядке, он всегда такой, – шепнул Ник, беря себе стул.

«Сумасшедший...» – мысленно продолжил Евгений.

Они сели.

Евгений догадывался, что Ник привел его на сеанс гипноза. Но то, что он увидел превзошло все его ожидания. У ног Евгения прямо на деревянном полу было изображено подобие географической карты, а может, это было поле для какой-то загадочной игры. Чрезвычайно сложный рисунок, сделанный углем, с извилистыми дорожками, пещерами, рвами, непонятными символами, изображениями фигурок людей и мифических чудищ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.